

Грошановичъ С. С.

КУРАНТЫ

ежемѣсячникъ

№ 3-4

1919

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
— ежемѣсячникъ —

КУРАНТЫ

(2-ой годъ изданія)

Редакція и Контора: Тифлисъ, Елисаветинская, 200.
(Пріемъ по субботамъ отъ 12 — 3).

Программа:

Журналъ посвящаетъ себя исключительно искусству и помѣщаетъ статьи по вопросамъ поэзіи, литературы, сцены, живописи и другимъ видамъ художественнаго творчества, не органичивая своихъ заданій рамками опредѣленныхъ исканій.

Сотрудники:

Татьяна Вечорка, Нина Васильева, А. Н. Геевскій, Д. П. Гордѣевъ, Вл. Гудіевъ, Юрій Дегенъ, Юрій Долгушинъ, Георгій Евангуловъ, Илья Зданевичъ, Борисъ Корнѣевъ, А. Крученыхъ, А. С. Петраковскій, Александръ Порошинъ, И. Порошина, Б. А. Прозоровскій, Н. Семейко, Сергѣй Рафаловичъ, Тиціанъ Табидзе, Игорь Терентьевъ, А. Чачиковъ, Осипъ Шарлеманъ, Паоло Яшвили и др.

Редакторъ: Борисъ Корнѣевъ.

Главный складъ изданія:

Тифлисъ, Головинскій просп., Центральная книжная торговля.
Цѣна отдѣльнаго №—5 руб.

СТИХИ

Молнія въ туманѣ

Борису Корнѣеву

На церкви города, на гладь ландшафтовъ сельскихъ
Жестокой ночи стлалась кисея.
Ее прорѣзала звенящая струя
Стального поѣзда, дрожащаго на рельсахъ.

Закаменѣвъ надъ крышей золотой,
Царапиной спадающей ракеты,
Прозрачный ангелъ, въ длинномъ нимбѣ свѣта
Летѣлъ въ туманъ, гнѣющій слѣпотой...

Татьяна Вечорка.

Расколотое зеркало

Аннѣ Ахматовой.

Сплета хулу съ осанною,
Съ добромъ вѣнчая зло,
Въ свое тысячегранное
Глядишься ты стекло.

Подъ частыми морщинами
Отсвѣтнаго чела
Незримо, по змѣиному,
Ты къ тайнѣ подошла.

Все крѣпкое, все гладкое
Неслышно расколовъ,
Ты намъ даришь украдкою
Дразнящій свой уловъ.

Дроби же міръ законченный
Въ осколки четкихъ фразъ,
Гдѣ за звучить утонченно
Насмѣшливый рассказъ.

И все, что жизнь исчерпала—
Отъ злобы до любви—
Въ расколотое зеркало
Прими и обнови.

Сергѣй Рафаловичъ

Еще и еще, забуду въ который разъ,
Повѣрю наивному чуду
Въ плѣну у заласканныхъ глазъ
Снова, безвольный, буду.

Знаю, какъ прежде, не хватить силы
Душу упрятать въ себя.
Куда улетишь безкрылый,
Если радостью тянитъ земля.

Опять на колкое ложе
Выброшу сердце безумной пѣсней.
Я вѣдь только сто первый прохожій,
Которому у тебя тѣсно.

Борисъ Корнѣевъ.

По неизвѣданной аллеѣ
Такъ робко начавшій поэтъ,
Иду я съ музой все смѣлѣе,
Все вдумчивѣе съ бѣгомъ лѣтъ.

Вліянье Юрія Дегена,
Крученыхъ и всѣхъ друзей
Сопутствуетъ мнѣ неизмѣнно,
Какъ поэтической музей.

Свои стихи еще латаю
Ихъ вдохновеніемъ, я жду,
Когда тропинка золотая
Блеснетъ и мнѣ въ моемъ саду.

И мысли легкія раскинувъ
Запечатлѣть свой новый плѣнъ,
Откроетъ обликъ Арлекина
Во мнѣ догадливый Дегенъ!

Н. Семейко.

Последнее приключение Жака Рувиля

Разсказъ

I

Однообразная сельская дорога и сельскій видъ съ обязательной рощицей на переднемъ планѣ, озаренной прощальными лучами уходящаго солнца, голубымъ лѣсомъ на горизонтѣ, математически расположенными лентами засѣянныхъ полей, деревушкой справа и чуть виднѣющимся шпилемъ замка слѣва.

Жакъ Рувиль очнулся отъ своихъ размышлений и спросилъ: — Жанъ, кому принадлежитъ теперь замокъ? Я слыхалъ, его продали.

Возница лѣниво отвѣтилъ:

— Да, его купилъ г-нъ дю-Контрайль. Если г-нъ Эженъ рѣшилъ на этотъ разъ подольше остаться въ деревнѣ, ему не будетъ скучно. У г-на дю-Контрайль молодая дочь и тамъ веселятся во всю. Всѣ сосѣдніе помѣщики два раза въ недѣлю по крайнѣй мѣрѣ посѣщаютъ замокъ.

Жакъ промолчалъ. Онъ вспомнилъ свое дѣтство и раннюю молодость, проведенная здѣсь, среди этой спокойной природы. Какъ все это было невозвратно давно!... И, вдругъ, съ невыразимой силой снова охватили его прежнія настроенія, прежнія мысли, какъ будто вовсе никогда и не было никакой «парижской эпохи».

Какъ просто и весело!—утромъ раскрыть окно въ душистый садъ и увидѣть голубое небо. Выпить кружку парного молока, съѣсть большой ломоть деревенскаго хлѣба, густо намазанный масломъ, и, захвативъ любимую книгу, далеко, далеко уйти по узенькой заросшей дерномъ тропинкѣ, мимо пестрыхъ клумбъ, черезъ садъ, мимо поля къ игрушечной рѣченкѣ подъ ивы.

Снова ухабъ. Старая повозка трещитъ и подскакиваетъ. Однако, лошади ускоряютъ бѣгъ. Повозка сворачиваетъ въ широкую аллею, обсаженную липами. Еще минута — и на крутомъ поворотѣ аллеи покажется знакомое крыльцо, знакомыя стѣны, маленькія окна и черепичная крыша усадьбы, которую Жакъ когда-то промѣнялъ на безумную суету парижскихъ улицъ.

II

Только поздно вечеромъ удалось Жаку остаться одному. Послѣ четырехъ лѣтъ разлуки, когда многіе думали даже, что

онъ умеръ, каждому, начиная съ управляющаго и кончая мальчикомъ садовника, хотѣлось посмотрѣть на молодого хозяина.

Жакъ вышелъ на веранду подышать свѣжимъ воздухомъ и собраться съ мыслями. Въ самомъ дѣлѣ, попавъ въ деревню онъ совершенно распустился. Пересталъ думать объ опасностяхъ, въ концѣ концовъ, окружающихъ его и о многомъ другомъ, о чемъ не мѣшало бы еще подумать пока не поздно. Закуривъ папиросу, Жакъ сталъ разсуждать. Итакъ, ему превосходно удалось одурачить парижскую полицію и благополучно выбраться сюда. Напали ли на его слѣдъ? Нѣтъ. Въ этомъ онъ вполне увѣренъ. Пять переодѣваній и по крайнѣй мѣрѣ десять пересадокъ сдѣлали свое дѣло. За эти три дня въ какихъ только онъ городахъ не побывалъ и какія только не бралъ направленія! Жаку вспомнилось его первое исчезновеніе и онъ улыбнулся. Милая полиція, она всегда останется собой!—слишкомъ много добросовѣстности и глубокомыслія и абсолютно никакого чутія! Въ Парижѣ Жакъ вскочилъ въ поѣздъ, идущій на Руанъ. Онъ думалъ, что за нимъ уже не слѣдятъ. Однако, въ купѣ прямо напротивъ себя онъ увидѣлъ стараго знакома Шатло, который, собственно говоря, и выслѣдилъ его въ Парижѣ. Встрѣтившись съ нимъ такъ близко, Жакъ на минуту потерялъ самообладаніе, до того это было неожиданно. Однако, онъ скоро успокоился: Шатло упорно не спускалъ глазъ съ какой-то старой дѣвы, находившейся въ этомъ-же купѣ. На слѣдующей остановкѣ Жакъ благополучно пересѣлъ въ другой поѣздъ, предоставивъ Шатло расплачиваться самому за слишкомъ большую проницательность.

Такимъ образомъ, Жаку вполне удалось замѣсти свои слѣды и сбить съ толку полицію. Удастся ли его друзьямъ такъ-же благополучно окончить это ловко задуманное дѣло, какъ удалось ему начать его?

Ну, а если удастся, что тогда? И, внезапно, Жаку пришла мысль, которая снова вернула его къ тому мечтательному состоянію, въ которомъ онъ сегодня подѣзжалъ къ дому. Ну, конечно, если удастся выполнить задуманное, ему предоставится возможность уже никуда не уѣзжать больше отсюда, а остаться здѣсь въ деревнѣ въ тишинѣ и спокойствіи! Вѣдь тогда не будетъ уже короля воровъ Жака Рувиля, а останется только извѣстный здѣсь каждому крестьянину, каждой травкѣ и деревцу помѣщикъ Эженъ Моро.

III

На третій день Жанъ привезъ, наконецъ, со станціи газеты, которыя съ нетерпѣніемъ ожидались Рувилемъ. Повидимому, все сошло даже лучше, чѣмъ предполагалось въ началѣ. Боль-

шія и маленькія газеты съ одинаковымъ пыломъ трубили о неожиданной смерти Жака Рувилья. О! здѣсь были и точныя копіи со всевозможныхъ протоколовъ, и фельетоны о самомъ Рувильѣ и предположенія о послѣднихъ минутахъ его жизни и безчисленное количество фотографическихъ снимковъ, воспроизводящихъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни этого такъ рано погибшаго авантюриста.

Рувиль съ удовольствіемъ прочитывалъ каждую строчку, говорящую о его несомнѣнной популярности. Въ самомъ дѣлѣ, не каждому человѣку своею смертью удастся вызвать такую сенсацию! Немного успокоившись, Жакъ развернулъ маленькую газетку „Вечернее эхо“, содержащую имъ и его друзьями специально для своихъ дѣлъ и сношеній. На послѣдней страницѣ въ отдѣлѣ переписки онъ нашелъ слѣдующую замѣтку, написанную, повидимому смѣшливымъ Дерви: „Дорогой Жакъ, наши ничего не подозрѣваютъ и въ домѣ совершенно спокойно. Дней черезъ пять ты снова сможешь вернуться ко мнѣ. Люблю тебя по прежнему. Твоя Д.“.

Такимъ образомъ дѣло было сдѣлано. Не стало Рувилья, о прахѣ котораго теперь заботятся полицейскіе власти.

Жакъ всталъ и нервно зашагалъ по комнатѣ, немного взволнованный газетами, но въ еще большей степени взволнованный шумомъ огромнаго Парижа, безумнымъ мельканьемъ дней, рискомъ новыхъ преступленій и авантуръ, запахъ которыхъ принесли ему всѣ эти газеты, лежація передъ нимъ.

IV

Въ замкѣ дю-Контрайль собралось уже довольно много народа, когда туда пріѣхалъ Жакъ Рувиль. Онъ одѣлся для этого вечера болѣе тщательно, чѣмъ обыкновенно и находился въ превосходномъ настроеніи. Поздоровавшись съ хозяевами и гостями, Жакъ медленно направился черезъ залъ къ m-lle дю-Контрайль, прелестной барышнѣ, которая начала его волновать еще при первой встрѣчѣ въ деревенской церкви. Жакъ не отдавалъ себѣ точнаго отчета почему именно нравится ему Мари.

Она была значительно мѣнѣе интересна многихъ красивыхъ и элегантныхъ женщинъ, которыхъ любилъ Жакъ въ своей жизни, но въ ней, пожалуй, было то, чего нехватало каждой знакомой парижанкѣ Жака—молодость и простота и еще, нѣкоторая меланхолическая мечтательность, очаровавшая его съ перваго-же дня въ здѣшней природѣ. И теперь, когда рѣшеніе было уже окончательно принято и черезъ два дня Жака ожи-

дали въ Парижѣ, почему было бы ему не насладится тѣмъ невиннымъ и краткимъ удовольствіемъ, которое посылала судьба?

.....

V

Въ эту ночь Мари никакъ не могла уснуть. Ея мягкая постель казалось ей слишкомъ твердой. Не хватало воздуха. А мысли кружились, кружились, словно обезумѣли. И все это только потому, что прощаясь Жакъ шепнулъ ей на ухо: „Вы сегодня удивительно хорошенькая!“

Мари было сладко вспоминать эти слова. Она повторяла ихъ, какъ припѣвъ, послѣ каждой мысли, приходящей ей въ голову, и повторяя, всякій разъ сердилась на себя за то, что поинститутски глупо покраснѣла, а надо было отвѣтить: „Это вы, Эженъ, сегодня очень, очень хорошенькій!“

Почему она этого не сказала?

А, впрочемъ, не все ли равно? Вѣдь не послѣдній разъ видала Мари Эжена.

Мари улыбнулась. Ей вспомнились слова, которыя говорила ей въ дѣтствѣ няня: „Не спѣши, Мари, вѣдь все равно все, что должно случится, случится непременно и для этого всегда найдется время“.

Въ домѣ было такъ тихо, что до слуха Мари достигалъ шорохъ листьевъ изъ парка. И эта тишина казалась ей болѣе многоглаголивой, чѣмъ даже ея собственные мысли.

Но что это? Отъ неожиданности она даже привстала съ кровати. Насторожилась. Слухъ не обманулъ ее. Это щелкнулъ замокъ въ дверяхъ кабинета. На мгновенье снова воцарилась полная тишина. Ахъ! зачѣмъ сердце такъ шумно колотилось въ груди! Оно мѣшало слушать. Мари наклонилась къ двери и стала прислушиваться. Прошла минута, похожая на вѣчность, до того она показалась Мари нестерпимо длинной. Но, вотъ, раздались крадущіеся заглушенные шаги. Кто бы это могъ быть? И вдругъ, Мари вспомнила одинъ разговоръ, случайно услышанный сегодня вечеромъ. Тогда она не повѣрила ни одному слову изъ него. Но, теперь?... Осторожно, что бы никто не услышалъ, Мари соскользнула съ постели на полъ. Накинула халатикъ и ошупью, не рѣшаясь зажечь свѣчу, направилась по направленію, откуда слышался легкій шорохъ

О! только бы никто ее не услышалъ! Она молилась, прося Бога помочь ей безъ шума достигнуть кабинета. Любовь, ведущая Мари по темнымъ, бесконечно темнымъ и длиннымъ комнатамъ, сдѣлала чудо Тяжело дыша, но такъ тихо, что даже

вблизи нельзя было бы ее услышать, она остановилась, наконецъ, у пріоткрытыхъ дверей, откуда падала полоска слабого свѣта на паркетъ залы, въ которомъ сейчасъ находилась Мари.

Она перекрестилась и вошла въ комнату.

VI

Да, это былъ Жакъ. Онъ сидѣлъ передъ открытымъ не-сгораемымъ шкапомъ, на дверцѣ котораго красовался дворянскій гербъ дю-Контрайль. Потухшая папироска торчала у него во рту. Онъ разбиралъ какія-то бумаги и замѣтилъ, что кто-то вошелъ въ комнату только тогда, когда Мари прикрыла за собою дверь въ залъ.

— Не пугайтесь. Выслушайте меня!—Мари ужасно торопилась. Она глотала окончанія словъ и была взволнована въ гораздо большей степени, чѣмъ самъ Жакъ.—Я знаю, вы Жакъ Рувиль. Я слыхала вчера разговоръ двухъ нашихъ знакомыхъ, которые говорили по этому поводу.

Мари остановилась на мгновенье что бы набрать новый запасъ воздуха и продолжала:

— Противъ васъ нѣтъ никакихъ уликъ и газеты сдѣлали свое дѣло, но если обнаружится сегодняшняя... кража, васъ постараются поймать. Поступайте, какъ знаете, но, Эженъ—простите, Жакъ, бѣгите отсюда пока не поздно!... Если вы рѣшите ничего не брать, я все сама уберу и закрою шкафъ. И никто не будетъ подозрѣвать о сегодняшнемъ случаѣ.

Она смолкла. Жакъ не двигался, ожидая что Мари еще чтонибудь скажетъ, но она молчала. Тогда онъ приблизился къ ней, поклонился и медленно, придавая своимъ словамъ особое значеніе, произнесъ:

— М-ше дю-Контрайль, еще ни разу Жакъ Рувиль не отступалъ передъ опасностью и, если я ухожу сейчасъ, то это только потому, что вы оказались сильнѣе меня.

VII

Жакъ шагаль изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ. Онъ забылъ что такое время. Онъ забылъ обо всемъ, кромѣ движеній, кромѣ голоса и глазъ Мари, милыхъ глазъ, печальныхъ и немного испуганныхъ. Уже занималась заря и утренній свѣтъ проникалъ въ комнату черезъ окна, на которыхъ забыли спустить шторы.

Только теперь Жакъ начиналъ волноваться. Передъ нимъ стояла проблема, отъ рѣшенія которой зависѣла вся его дальнѣйшая жизнь. Куда пойти? На что рѣшиться?

Собственно говоря, Жакъ даже не колебался. Онъ просто не зналъ, что ему дѣлать, до того неожиданно пришло къ нему это новое чувство, окончательно измѣнившее всѣ его мысли и его самого, Жака Рувиля. Съ той минуты, какъ Мари вошла въ кабинетъ дю-Контрайля, кровь стучала въ вискахъ Жака, а въ сердцѣ какой-то новый голосъ пѣлъ бѣшенную пѣсню, отъ которой было и больно и сладко въ одно и тоже время.

Уже солнце поднялось надъ садомъ, зеленой стѣной окружавшимъ домъ, въ одной изъ комнатъ котораго метался Жакъ.

Уже становилось жарко на воздухѣ. Въ столовой пробили десять разъ старые стѣнные часы.

Уже стучалась Сюзанна безпокоясь, что сегодня остынетъ завтракъ, если Жакъ будетъ такъ сильно запаздывать.

Жакъ переодѣлся въ верховой костюмъ и вышелъ въ столовую, настолько бодрый и свѣжій, точно всю эту ночь онъ преспокойно проспалъ въ своей постели. Онъ велѣлъ осѣдлать «Бандита» и принялся тѣмъ временемъ завтракать.

VIII

Для Мари было неожиданностью, что ее спрашиваетъ Жакъ. Ей казалось, что онъ уже уѣхалъ. Поэтому она не сразу вышла въ гостинную, гдѣ онъ ожидалъ ее, а убѣжала къ себѣ въ комнату собраться съ мыслями и привести въ порядокъ свои волосы.

При ея приближеніи Жакъ поднялся съ маленькаго диванчика на которомъ сидѣлъ и направился къ ней.

— Ради Бога, простите, что я осмѣлился еще разъ безпокоить васъ. На то, что я хочу вамъ сказать имѣетъ для меня огромное значеніе.

Мари указала ему на кресло и сѣла сама.

— Говорите. Я рада что снова вижу васъ.

— Вы знаете меня. Я не буду, я не хочу объяснять вчерашнее, но, Мари, клянусь вамъ, я готовъ бросить, мое ремесло. я готовъ отказаться отъ своего прошлаго, готовъ Мари, потому, что полюбилъ васъ.

Она опустила голову и продолжала хранить молчаніе.

— Да, я полюбилъ васъ и простите мнѣ мою дерзость, если это покажется вамъ дерзостью, а не любовью... я пріѣхалъ.. я пріѣхалъ для того, чтобы предложить вамъ стать моей женой...

Онъ остановился, ожидая своей участи, которую довѣрилъ нѣжнымъ ручкамъ Мари, но она не сказала ни слова. Тогда онъ сталъ умолять:

— Мари, будьте до конца великодушной. Скажите мнѣ одно только слово -- да или нѣтъ?

Она подняла голову, и глядя на Жака, слегка наклонившись къ нему, тихо произнесла:

— Да...

Рувиль не успѣлъ обнять ее, не успѣлъ сказать ни одного слова, потому что поднявшійся шумъ, крики и звонъ шпоръ во дворѣ, заставили ее испуганно вскочить и подбѣжать къ окну.

Она бѣшено закричала:

— Жакъ, Жакъ, спасайся, это жандармы! Тебя выдали!

Рувиль сдѣлалъ было движеніе, точно собирался бѣжать, но затѣмъ вспомнивъ что-то, спокойно пожалъ плечами.

— Успокойся, Мари, теперь уже нѣтъ спасенья, надо только возможно мужественнѣе перенести это послѣднее испытаніе и лучше любить другъ друга. Развѣ ты не думала, что теперь то меня обязательно должны были арестовать? Судьба не прощаетъ, когда ей измѣнять и никто безнаказанно не можетъ сойти со своего пути.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались тяжелыя шаги. Распахнулась дверь и на порогѣ въ гостинную показались нѣсколько вооруженныхъ жандармовъ.

— Именемъ закона...

Но Жакъ Рувиль уже протягивалъ свои руки для ручныхъ кандаловъ и улыбался.

Юрій Дегень.

А. Крученыхъ, какъ художникъ

Алексѣй Крученыхъ художникъ—для многихъ открытіе, а между тѣмъ еще въ 1909 году поэтъ подвизался, какъ хорошій рисовальщикъ, давая экспрессивныя портреты, гдѣ видна большая штудировка натуры. (Смотри прилагаемые этюды женской головы и портретъ Бориса Корнѣева).

Н. Гончарова.

Портретъ А. Крученыхъ.

Женскій портретъ, кромѣ чисто живописныхъ достижений, интересенъ какъ удачная иллюстрація къ Достоевскому. Именно, онъ даетъ представленіе о сестрѣ Раскольниковой. Напомнимъ читателю образъ Дуни по Достоевскому: „Волосы у нея были темно русые... глаза почти черные, сверкающіе, гордые и въ то же время иногда, минутами, необыкновенно добрые. Она была блѣдна, но не болѣзненно—блѣдна; лицо ея сіяло свѣжестью и здоровьемъ. Ротъ у ней былъ немного малъ, нижняя же губка, свѣжая и алая, чуть-чуть выдавалось впередъ, вмѣстѣ съ подбородкомъ,—единственная неправильность въ этомъ прекрасномъ

лицъ, но придававшая ему особенную характерность и, между прочимъ, какъ будто надменность.“

Позднѣе А. Крученыхъ, неудовлетворенный „реальнымъ“ рисункомъ, выставляетъ на модернистическихъ выставкахъ: „Треугольникъ“, „Выставка новаго искусства“ (съ Д. и В. Бурлюками) и др.

Съ этого времени поэтъ новыхъ словъ, вооруженный опытомъ академиковъ (чтобы вѣрнѣй ихъ разить) и футуристи-

А. Крученыхъ.

Портретъ.

ческими завоеваніями, новыми приѣмами начинаетъ творить большое количество—до тысячи, картинъ и цвѣтныхъ наклеекъ—совершенно новаго вида живописи. Въ области цвѣтной наклейки А. Крученыхъ изъ русскихъ художниковъ-футуристовъ занимаетъ первое мѣсто по большому умѣнію располагать плоскости бумаги, сочетать цвѣта, варьировать фактуру, неожиданно сопоставляя матеріалы, кроя ножницами новое искусство, вызывающее ощущение катастрофы стараго привычнаго міра. Сопоставляетъ, напримѣръ, персидскій орнаментъ и фигуры—съ украинскими, и въ этотъ взрывной контрастъ направляетъ еще косоугольникъ лучистаго золота!...

Наклейки А. Крученыхъ трехъ видовъ весьма разнообразныхъ; изъ нихъ первый: художникъ беретъ рисунки, фотографіи, этикетки и, комбинируя ихъ по внутреннимъ законамъ композиціи линій и пятенъ, дополняя кусками цвѣтной бумаги, вызываетъ новыя колебанія, превращающіеся въ заумный концертъ.

Другой пріемъ состоитъ въ комбинированьи цвѣтныхъ кусковъ (а не картинъ), гдѣ форма подчинена ихъ цвѣту и наоборотъ. Третій видъ даетъ сочетанія цвѣтной наклейки и летающихъ линій, дополняющихъ общій ансамбль кусковъ цвѣтной бумаги. Въ цѣломъ остается отъ наклейки впечатлѣніе стройной системы, играющей, сверхъ всего, большую роль въ уничтоженіи традицій академиковъ, проповѣдывающихъ ложный реализмъ (Левитанъ, Рѣпинъ, Сѣровъ) и освобождающей живопись отъ мертвечины мраморныхъ досокъ. Крученыхъ—художникъ не менѣе интересенъ, чѣмъ Крученыхъ—поэтъ, но для широкой публики такъ же необычаенъ, какъ и все, что онъ творить....

Картины и наклейки А. Крученыхъ имѣются въ собраніяхъ любителей искусствъ: архитек. Б. Финкельштейна, инж. Лалевича, артиста—антрепр. Н. Лебедева, худож. Д. Бурлюка, футур. В. Каменскаго, композит. М. Матюшина и др. въ Тифлисѣ у А. Канчели, В. Соломко, В. Ананова, Б. Корнѣева и др.

Изданія: „Вселенская война — цвѣтной клей А. Крученыхъ“, наклейки въ книгѣ „1918“ и др. Снимки съ картинъ въ „Искахъ“. Тифлисская публика видѣла картины и наклейки А. Крученыхъ на выставкѣ „Московскихъ футуристовъ“ въ редакціи журнала „Арс“ въ 1918 г.

Кирилль Зданевичъ

Тифлисъ

21 января 1919 г.

Молодая поэзія

Когда намѣчается связь между искусствомъ вчерашнимъ и искусствомъ сегодняшнимъ, это ни въ какой мѣрѣ не можетъ и не должно ограничивать послѣднее, предопредѣлять его и служить ему преградой. Сближеніе имѣетъ одну только цѣль и одно оправданіе—способствовать пониманію и уясненію явленія очень сложнаго и трудно поддающагося опредѣленіямъ и оцѣнкамъ. Для каждаго очевидно, что Чеховъ не повторялъ Тургенева или Сологубъ Гоголя и что сравненіе дало бы больше отличительныхъ чертъ, чѣмъ схожихъ. И если мы все же можемъ говорить о томъ, что отъ стараго поколѣнія нашихъ прозаиковъ идутъ пути, по которымъ прошло слѣдующее и что путь Тургенева продолженъ Чеховымъ, путь Гоголя Сологубомъ, путь Толстого Купринымъ, путь Гончарова и Тургенева Записокъ Охотника Бунинымъ, путь Достоевскаго Леонидомъ Андреевымъ, то лишь имѣя въ виду нѣкоторую самую общую преемственность въ творчествѣ съ одной стороны, а съ другой—тѣ различія, которыя мы наблюдаемъ среди писателей каждаго отдѣльнаго періода. При этомъ совершенно безразлично какова относительная цѣнность сближаемыхъ писателей и не играетъ никакой роли тотъ фактъ, что, напримѣръ, Чеховъ можетъ быть поставленъ на одной высотѣ съ Тургеневымъ и, пожалуй, Сологубъ съ Гоголемъ, а Купринъ, конечно, не равноцѣненъ Толстому или Леонидъ Андреевъ Достоевскому. Важны въ первую голову тѣ различные пути, которые были проложены въ нашемъ искусствѣ тѣми или другими художниками. А эти пути становятся особенно ясными и болѣе опредѣлимыми, когда они продолжены послѣдующими писателями, конечно, не подражателями, а оригинальными и самостоятельными творцами. Съ элементомъ подражательности при такого рода пріемахъ литературной критики очень приходится считаться.

Все сказанное о прошломъ имѣетъ отношеніе и къ настоящему, съ какимъ бы масштабомъ къ нему не подходить. И очень любопытно, не входя пока въ подробности и не давая ни обстоятельной критики современныхъ поэтическихъ школъ, ни разбора произведеній отдѣльныхъ поэтовъ, указать только на нѣкоторую связь, которую можно уловить и установить между предыдущимъ поколѣніемъ и нынѣшнимъ.

Очень показательно, что сегодняшній поэтическій обликъ Тифлиса ничѣмъ не разнится отъ такого же въ столицахъ и поэтому выводы получаются одинаковые, гдѣ бы не производить опытъ такого рода. Я, конечно, оговариваю при этомъ одно

обстоятельство, а именно то, что я оставляю въ сторонѣ поэтовъ пишущихъ не на русскомъ языкѣ, ибо не имѣю возможности ознакомиться съ ихъ творчествомъ въ мѣрѣ достаточной для того, чтобы сужденіе мое о нихъ было зависимо исключительно отъ моихъ взглядовъ, вкусовъ и построений, а не обуславливалось еще и личностью и дарованіемъ переводчиковъ. Поэтому и грузинская и армянская поэзія оставлены мною въ сторонѣ.

Положеніе въ столицахъ конечно всѣмъ настолько хорошо извѣстно, что въ подробномъ освѣщеніи не нуждается. Вкратцѣ можно напомнить, что символизмъ уже не мало времени какъ упрочился на своихъ позиціяхъ и даже такими враждебными ему маститыми критиками, каковъ Семенъ Венгеровъ, признанъ побѣдителемъ (его брошюра: побѣдители или побѣжденные). Символизмъ уже не завоевателенъ, не наступающій, а обороняющійся. Первыми и ближайшими ему врагами стали акмеисты съ Гумилевымъ и Городецкимъ во главѣ. Но, въ сущности, почти что раньше ихъ и во всякомъ случаѣ не позже, противникомъ символизма явился и Кузминъ, первые шаги котораго были сдѣланы подъ флагомъ символизма. Я отлично помню первое его литературное появленіе еще не въ печати, а въ кругахъ тогдашнихъ символистовъ, гдѣ онъ пѣлъ свои Александрійскія пѣсни. Въ сущности считать его своимъ символистомъ и тогда не должны были, но въ боевую пору не бываешь очень разборчивымъ, а кътому же было кое что въ стихахъ Кузмина, что способствовало заблужденію. Окончаніе, на примѣръ, его пѣсни о четырехъ сестрахъ: насъ было четыре сестры, четыре сестры насъ было,—а можетъ быть насъ было пять—очень характерное для него и до сихъ поръ, могло въ пору яраго символизма быть принято какъ нѣкій таинственный намекъ содержащій въ себѣ вѣщую разгадку. Конечно, въ дѣйствительности ничего подобнаго тамъ не было и шутливая игривость Кузмина, чуждающаяся всего неяснаго, смутнаго, темнаго, толкающая его къ изящнымъ пируэтамъ французскихъ щеголей и легкими бездѣлушками французской придворной музыки, съ самаго начала опредѣляла его пути. Его статья о прекрасной ясности по времени совпала съ созданіемъ акмеизма, какъ школы, съ основаніемъ общества любителей изящной рѣчи, новой академіи слова, съ первыми изысканіями Андрея Бѣлаго въ области четырехстопнаго ямба и первымъ цехомъ поэтовъ. Приблизительно въ то же время перекинулся къ намъ съ Запада и футуризмъ—сразу расцвѣтшій на русской почвѣ въ двухъ ликахъ—Петербуржскомъ и Московскомъ—причемъ первый оказался какимъ то

гибриднымъ и, главное, очень дурного вкуса, а второй продолжаетъ свое дѣло крайняго революціонера.

Всѣ эти явленія въ своей совокупности создали новую русскую поэзію еще находящуюся въ неоформленномъ состояніи, хотя отдѣльные поэты уже и теперь имѣютъ свое опредѣленное лицо и свой значительный удѣльный вѣсъ.

Но если пока ограничиваться только самыми общими указаніями, то надо отмѣтить нѣсколько линій, по которымъ, развѣтляясь, движется молодая поэзія, оставляя открытымъ вопросъ о томъ, насколько общая атмосфера и духъ времени вліяютъ на нее и насколько тутъ сказывается вліяніе отдѣльных уже нашедшихъ себя индивидуальностей. Линіи эти слѣдующія: во первыхъ, акмеистическая и, главнымъ образомъ, Гумилевская и Ахматовская, загѣмъ, близкая послѣдней, линія Кузминская, съ которой сплетается линія Игоря Сѣверянина, и линія московскаго футуризма. Есть еще другія, то продолжающія прежній символизмъ съ уклономъ къ религіозности, по типу Вячеслава Иванова, то ведущія къ поэзіи народной, преломленной сквозь литературу опять таки Вячеслава Иванова, но и Андрея Бѣлаго. Эти двѣ линіи однако обособлены и сюда не относятся. Такъ же точно не относятся сюда всякіе перепѣвы прежитаго и подражанія Брюсову или Бальмонту.

Любопытно отмѣтить, что Сологубу и Блоку не подражаютъ и что отъ нихъ никакія нити не протянуты, несмотря на ихъ значительность, какъ поэтовъ и на ихъ популярность не уступающую ничьей.

Если перелистать журналы издаваемые здѣсь и отдѣльные сборники стиховъ или брошюрки, то получается картина вполне соответствующая тому, что несомнѣнно наблюдается по всей Россіи, съ точки зрѣнія новой поэзіи. Молодые поэты держатся главнымъ образомъ, линій Кузмина и Ахматовой съ частыми приближеніями къ Игорю Сѣверянину и нерѣдко примыкаютъ къ Маяковскому, Хлѣбникову, Крученыхъ, не раздѣляя крайностей теоріи о зауми. Отголоски символизма уловимы довольно легко, но символизма преображенного акмеизмомъ. И если по содержанию большинство печатаемыхъ стихотвореній можетъ показаться недостаточно характернымъ въ томъ или другомъ отношеніи, то по формѣ и построенію они зачастую опредѣленны въ достаточной степени, чтобы не трудно было установить предметственность. Вопросы формы очень знаменательны и яснѣе всего указываютъ на переломъ произошедшій со времени символизма и опредѣляющій все направленіе молодой поэзіи. Работы Андрея Бѣлаго имѣютъ рѣшающее вліяніе и первая его о ямбѣ, установившая впервые различіе между размѣромъ и ритмомъ въ рус-

скомъ стихѣ, и важная въ этомъ отношеніи, но вводящая въ заблужденіе молодыхъ поэтовъ мнимой возможностью установить точныя критеріи для художественной оцѣнки отдѣльных стихотвореній, и послѣдняя его о звуковомъ значеніи слова (жезлъ Аарона). Но не меньше значенія и вліянія имѣла и имѣетъ техническая работа, произведенная въ столицахъ и производимая здѣсь въ цехахъ поэтовъ.

Не останавливаясь подробно на всемъ этомъ въ настоящей замѣткѣ, я только укажу, что въ основѣ этой работы лежитъ отношеніе къ слову, какъ таковому, и все остальное—вся техника стиха, формы стихотвореній, рифма только подробности того „святого“ ремесла, которому впервые открыто удѣляется нужное вниманіе и посвящается терпѣливый трудъ.

Мнѣ бы слѣдовало доказать многочисленныя положенія выставленныя мною, съ одной стороны разборомъ стихотвореній молодыхъ поэтовъ, съ другой—изученіемъ того, что сдѣлано и дѣлается теоретиками и критиками художественной формы.

Но размѣры данной замѣтки не даютъ мнѣ возможности ни для того, ни для другого и я оставляю за собой право удѣлить каждому отдѣльному вопросу больше мѣста и вниманія въ отдѣльныхъ статьяхъ.

Сергѣй Рафаловичъ.

По поводу настоящей оцѣнки М. Кузмина

Очень характерно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень странно, что почти отсутствуетъ сколько нибудь обстоятельная критическая литература о творествѣ М. Кузмина. Статья Вяч. Иванова въ „Аполлонѣ“ по поводу первыхъ трехъ книгъ Кузмина, статья А. Гвоздева въ „Сѣв. Зап.“ 1916 г., посвященная его послѣднимъ тремъ книгамъ, поверхностные и не имѣющіе длительного значенія замѣтки и очередные критическіе отзывы въ періодической печати, наконецъ, 18 строчекъ Валерія Брюсова по поводу книги „Сѣти“, написанныя имъ въ 1909 г. и затѣмъ повторенныя въ книгѣ „Близкіе и далекіе“, вотъ и все, что было написано о М. Кузминѣ до 1917 г.

Въ 1917 г. литература о Кузминѣ обогатилась очень цѣнной статьей Е. Зноско-Боровскаго, напечатанной въ томъ-же году въ 4—5 №№ „Аполлона“, въ которой была произведена удачная попытка дать, быть можетъ нѣсколько одностороннюю, но, тѣмъ не мѣняе, очень интересную характеристику этого исключительнаго поэта. Съ этой статьи, собственно говоря, и начинается только серьезное отношеніе къ Кузмину со стороны критики. Вяч. Ивановъ сказалъ, что Кузмина можно было бы назвать понятнымъ, если бы его понимали. Фраза, можетъ быть, парадоксальная но, безусловно, вѣрная.

Творчество Михаила Кузмина съ одной стороны кажется до того прозрачно-простымъ, что воспринимается какъ-то „мимоходомъ“, безъ борьбы и, конечно, не достаточно серьезно. Съ другой стороны, даже и достаточно серьезно настроенному читателю до конца оцѣнить М. Кузмина пока почти невозможно. Его творчество слишкомъ разнообразно. Всюду, какъ тонко отмѣтилъ Е. Зноско-Боровскій, М. Кузминъ чувствуетъ себя „гражданиномъ вселенной“. И не только всюду, т. е. во всѣхъ мѣстахъ, но и всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ. Это безконечное разнообразіе поэта, естественно, вводитъ въ ошибку, разбирающихся въ его творествѣ, т. к. каждому критику, за небольшимъ исключеніемъ, удастся уловить лишь одну—двѣ характерныя особенности этого разнообразнаго творчества, которыя онъ и выдвигаетъ на первый планъ. Такимъ образомъ, возможно не только просто не вѣрное или не глубокое пониманіе М. Кузмина, но даже вполне возможно совершенно разное пониманіе поэта со стороны критики. Одинъ повторяетъ за В. Брюсовымъ: „Изящество—вотъ пафосъ поэзіи Кузмина“ и съ пѣной у рта будетъ спорить съ тѣмъ, кто замѣтитъ проникновенность, мистицизмъ или прозрѣніе поэта. Повторяемъ, это не только возможно, это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

И лишь благодаря тому, что Кузминъ кажется слишкомъ понятнымъ и еще, потому, что тотъ осколочекъ его творчества, который почему либо оказался воспринятымъ, кажется хоть и милымъ, но достаточно незначительнымъ, — сколько нибудь глубокий подходъ къ поэту пока былъ почти невозможенъ.

Намъ думается, что подходъ къ Кузмину, охватывающій все его творчество, еще и не скоро станетъ возможнымъ. Во всякомъ случаѣ мы, его современники, не сможемъ сказать

А. Крученыхъ Портретъ.

о немъ послѣдняго слова. Чѣмъ глубже подходишь къ Кузмину, тѣмъ большимъ оказывается его многообразіе. Сегодня мы оцѣнили въ немъ одно, завтра откроютъ въ немъ другое. Имѣя Кузмина, мы ждемъ какихъ то новыхъ откровеній и жадно бросаемся къ новымъ художественнымъ школамъ, ища у нихъ выхода изъ эстетическаго тупика, въ который попало въ настоящее время наше искусство. Пройдетъ время и у Кузмина станутъ черпать то, что мы тщетно искали въ туманномъ будущемъ.

Юрій Дегенъ.

**Выходной листъ Евхологія „грекофильской“
редакціи писца Василия Малушис-дзе*)**

Среди украшенныхъ грузинскихъ рукописей „грекофильскаго“ направленія должно поставить въ рядъ памятниковъ первостепеннаго значенія скромный, но съ большимъ мастерствомъ декорированный кодексъ изъ библіотеки Сіонскаго Древлехранилища (Церковный Музей Грузинскаго Духовенства въ Тифлисѣ) № 96. Историческое значеніе указаннаго манускрипта, помимо чисто художественныхъ его достоинствъ, усугубляется еще наличностью дошедшаго въ сохранности конечнаго листа, на которомъ имѣются важныя историческія приписки¹⁾. Въ первой изъ нихъ, писанной рукою текста, даны: и имя писца (Василій Малушис-дзе), и мѣсто исполненія книги (монастырь „Хора“ въ Константинополь) и время ея изготовленія (въ царствованіе Романа) Точная дата хроникона (6763=1031 г. христіанскаго лѣтосчисленія), имѣющаяся въ концѣ этой приписки и приводимая въ указанныхъ описаніяхъ рукописи безъ оговорокъ, проставлена другой рукою и нѣсколько отличными чернилами—тѣми же или чрезвычайно близкими къ черниламъ второй приписки непосредственно слѣдующей за первой на той-же страницѣ; почеркъ той-же эпохи. Приѣмлемость точно проставленной даты значительно возрастаетъ благодаря тому, что сохранился въ томъ же собраніи кодексъ (рукопись № 1) того-же времени, исполненный той-же рукою²⁾ и, по извѣстнымъ мнѣ изыска-

*) Докладъ, читанный въ засѣданіи Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества 13 февраля (н. с.) 1919 г.

1) Въ своемъ каталогѣ *Θ. Δ. Ζορδανία* (Описаніе рукописей Тифлискаго церковнаго музея Карталино-Кахетинскаго духовенства, кн. I. Тифлисъ, 1909, стр. 114—115. Изданіе церковнаго музея № 12) приводитъ приписки въ транскрипціи мхедрули и безъ переводовъ. Приписка писца дана съ небольшими лишь неточностями. Переводъ этой основной приписки и детальное описаніе содержанія манускрипта см. *Истор. Кор. Кекелидзе*. Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе. Тифлисъ, 1908; часть I, отдѣлъ I, № III, стр. 46 и сл. Приписка эта раньше еще цитируется *Д. Бакрадзе* (დ. ზ. ბაქრაძე, *საქართველოს. ცხოვრობი*, 1889=Исторія Грузіи, стр. 259, примѣч. 1) гдѣ указано мѣсто, откуда поступила рукопись въ Сіонское Древлехранилище—изъ Натлис-Мцемел-и. Ниже онъ, не зная о существованіи особаго монастыря „Хора“ (нынѣ Кахріэ—Джами), ошибочно отождествляетъ его съ Сохастеромъ—Романой.

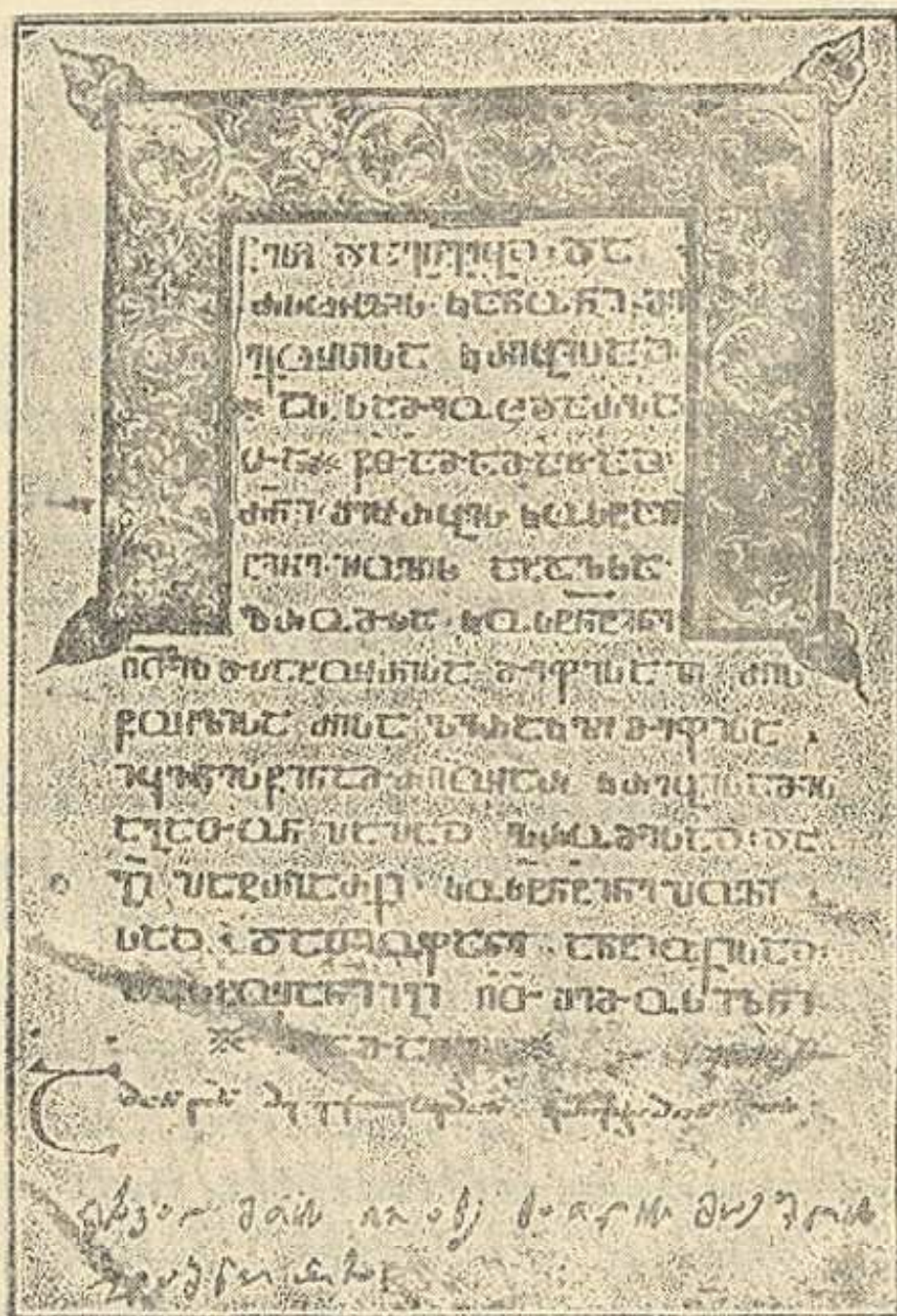
2) тамъ-же въ ук. соч. *Бакрадзе*.

ніямъ П. І. Ингороква³⁾, приписываемый тому-же писцу. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что рукопись № 96 возникла въ серединѣ первой половины XI-го вѣка.

По стилю и технике *выходная заставка*, единственная въ книгѣ, тождественна украшеніямъ отмѣченной рукописи № 1, отличаясь отъ большинства заставокъ послѣдней только болѣе роскошнымъ способомъ исполненія—писана на золотомъ фонѣ. Къ сожалѣнію выходная заставка № 1-го, то же писанная по золоту въ отличіе отъ другихъ виньетокъ и заставокъ имѣющихъ въ этой книгѣ и исполненныхъ на пурпурномъ фонѣ, пострадала и производитъ при первомъ общемъ осмотрѣ не столь разительное сходство, какъ дошедшій въ хорошей сохранности росписной по золотому фону инициаль асомтаврули Ч на стр. 374 (по новой размѣткѣ; послѣдняя стр. тетрадки КЄ=ЧІ=25). Здѣсь и стиль и техника и наборъ матеріала настолько явно тождественны, что допущеніе единой руки мастера въ обѣихъ рукописяхъ едва ли можетъ быть оспариваемо. Рисунокъ узора выходной заставки рукописи № 96 какъ по схемѣ планировки композиціоннаго размѣщенія, такъ и по набору орнаментальныхъ мотивовъ такъ же чрезвычайно родственъ украшеніямъ кодекса № 1 (напр. ср. стр. 125, 374, 496 и др.; по новой пагинаціи). Наболѣе по схемѣ отличны лишь типы угловыхъ навершій и отсутствіе у основаній рукавовъ заставки рукописи № 96 орнаментальныхъ побѣговъ внѣ обрамленія. Техника исполненія украшеній въ обѣихъ книгахъ одинакова—рисунокъ орнаментальнаго узора, писаннаго густыми, лежащими какъ бы легкимъ рельефомъ по гладкому (золотому или красочному) полю, прокладками, пройденъ свѣтлыми оживками иногда чистыми бѣлилами, а иногда въ разбѣленный или контрастный тонъ. Краски аналогичны, только наборъ ихъ въ рукописи № 96 болѣе ограниченъ—синій кобальтоваго оттѣнка (основной узоръ), темно-зеленый черноватаго оттѣнка, зеленовато-желотоватый составной разбѣленный, желтовато-бѣловатый, бѣлый, киноварь и карминъ. Отсутствуютъ—холодно-зеленый свѣтлый и разбѣленные прокладки киноварью и карминомъ. Въ отличіе отъ виньетокъ и

³⁾ Среди матеріаловъ, собранныхъ ук. изслѣдователемъ для подготовляемой имъ монографіи (на груз. яз.) „Грузинскій гуманизмъ и Ефремъ Мцире“ имѣется и обслѣдованіе рукописи № 1. П. І. Ингороква любезно предоставилъ въ мое распоряженіе краткое предварительное сообщеніе съ описаніемъ ряда манускриптовъ (на русск. яз.) для подготовляемой мною статьи „№ 109. Предварительное сообщеніе о миниатюрахъ лицевого списка твореній св. Григорія Богослова изъ бібліотеки Сіонскаго Древлехранилища въ Тифлисѣ“, гдѣ оно предположено къ изданію въ видѣ приложенія, П. І. Ингороква вполне основательно считаетъ упоминаемаго въ припискѣ писца Василія (стр. рукописи 875) Василіемъ Малупис-дзе.

заставокъ рукописи № 1 описываемая заставка Евхологія имѣетъ оконтуровочную обпись въ видѣ тонкой полосы, наведенной темно-зеленой краской, тогда какъ въ первой книгѣ обпись обычно писана свѣтлой (холодно-зеленой, карминными точечками и штришками по незакрашенному пергаменту и др.). Эта деталь придаетъ колориту украшенія болѣе строгій характеръ. Буквы выходного заглавія наведены золотомъ по карминной прокладкѣ (въ рукописи № 1 заглавія всюду писаны киноварью).

Выходная заставка Р-си № 96.

Изъ книгоиздательскихъ приѣмовъ, имѣвшихъ мѣсто при изготовленіи Евхологія Василія Малушис-дзе, позволю себѣ отмѣтить нѣкоторые: инициалы на поляхъ первой тетрадки исполнены золотомъ по карминной прокладкѣ, въ то время какъ далѣе цвѣтные инициалы пишутся киноварью; размѣтка тетрадей применена исключительно грузинскими буквами асомтаврули; каждая тетрадка (кромѣ выходного листа первой) начинается

помѣткой на верхнемъ полѣ и кончается тождественной помѣткой на нижнемъ полѣ послѣдней страницы; цифры вписаны въ рамочку изъ двухъ пересѣкающихся круговъ; круги черчены карминомъ, а размѣтка чернильная; кромѣ выходного всѣ заглавія писаны киноварью; киноварью же около инициаловъ проставляются знаки въ формѣ андреевскаго креста съ точечками въ междукравьяхъ; только иногда черниломъ ставится точка въ перекрестіи; по окончаніи текста—передъ припиской (стр. 360 новой размѣтки) проставлена отграничивающая полоска (перебегающія группы изъ 4—5 точекъ, писанныхъ то киноварью, то черниломъ); наружныя поля противъ строкъ обычно имѣютъ проколы.

Всѣ эти приемы очень родственны имѣющимся въ рукописи № 1, но за исключеніемъ размѣтки тетрадкѣ, нумерованныхъ не только по-грузински (на верхнихъ поляхъ начальныхъ и конечныхъ листовъ), но и по-гречески (на нижнихъ поляхъ тѣхъ же страницъ). Знаки размѣтокъ, вписанные въ обрамленіе изъ двухъ concentрическихъ кружковъ, черченыхъ чернилами, имѣютъ сверху, снизу и по сторонамъ простановку изъ группъ точекъ—сверху и снизу крестикъ изъ 4 точекъ, а съ боковъ точекъ по три.

Но не только эти двѣ, какъ это еще замѣтилъ Бакрадзе, рукописи писаны тою же рукою. Особое историческое значеніе должно придать установленному мною факту—палеографическому и каллиграфическому родству рукописей № 1 и, особенно, № 96 съ № 648 изъ той же библіотеки⁴⁾. Здѣсь, на страницахъ „Фрагментовъ Евѣиміевскаго Синаксаря Захаріи Валашкертскаго“, мы находимъ такіе же, какъ и въ первой тетрадкѣ № 96, инициалы исполненные золотомъ по карминной прокладкѣ, тотъ же типъ страницъ съ выделяемыми въ текстѣ

⁴⁾ Общая характеристика миниатюръ этого памятника и указаніе основной литературы—см. мою статью „Миниатюры грузинскихъ лицевыхъ рукописей Сіонскаго Древлехранилища въ Тифлисѣ“, „ARS“ (Тифлисъ), 1918. № 2—3, стр. 89—91 (+табл. II; „Сошествіе во Адъ“). Въ дополненіе къ данной тамъ библіографіи можно еще указать, что еще одна миниатюра (см. № 648 стр. 84 новой размѣтки, исполненной краснымъ карандашомъ; „Христосъ—отрокъ среди учителей въ Храмѣ“ съ описаніемъ издана Н. П. Кондаковымъ (Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. С.-П.-Б., 1904, рис. 78, стр. 300—301), ошибочно относившаго памятникъ къ XII-му вѣку.

словами, писанными то карминомъ, то киноварью, та же размѣтка тетрадей ⁵⁾, то же прокалываніе наружнаго поля ⁶⁾.

Рукопись № 1 исполнена, какъ и № 96, согласно припискѣ ⁷⁾, въ Константинополѣ. Она переписана была писцомъ Василиемъ при жизни и для Синкелозоса Захаріи, епископа Баны. По извѣстнымъ мнѣ изысканіямъ, П. I. Ингороква отождествляетъ этого Захарію съ Захаріей Валашкертскимъ ⁸⁾. № 648, согласно припискамъ, исполненъ для того же Захаріи Валашкертскаго ⁹⁾. Въ высшей степени любопытнымъ представляется нахожденіе въ этомъ собраніи разрозненныхъ листковъ такъ же и листка съ датированной припиской (1030 г.) отвергаемой, однако, прот. К. Кекелидзе ¹⁰⁾.

Итакъ мы имѣемъ три расписныхъ манускрипта одного и того же каллиграфа — грузина жившаго и работавшаго въ монастырѣ „Хора“ и исполнившаго ихъ въ періодъ отъ 1027 года (время увоза Захаріи въ Грецію) и до 1034 (смерть императора Романа, поименованнаго въ припискѣ № 96). Два изъ нихъ писаны для Захаріи. Всѣ три содержатъ переводы Евѡимія Святогорца.

Замѣчательно, что третья изъ рукописей Васи́лія Малушидзе, писаная не для Захаріи (а именно Евхологіѣ), находитъ по своему содержанію ближайшаго родственника въ другомъ Евхологіи Евѡиміевской редакціи — рукописи № 143 библіотеки Общества Распространенія Грамотности среди грузинскаго населенія въ Тифлисъ, рукописи исполненной иною рукой, но написанный, согласно многочисленнымъ припискамъ, по заказу того же Захаріи ¹¹⁾.

Эта рукопись № 143, дошедшая безъ начала и конца, сохранила на листахъ среднихъ тетрадокъ три заставки: двѣ въ формѣ буквы П (стр. 196 и 310 новой размѣтки) и одну лен-

⁵⁾ Напр. см. стр. (по новой размѣткѣ краснымъ карандашемъ) 34, 40, 46, 58, 94, 96, 100, 126 (помѣтки заканчивавшія тетради) и 47, 59, 101 (начинавшія тетради); нѣкоторыя помѣтки урѣзаны переплетчикомъ. Должно оговорить, что въ отличіе отъ № 96 здѣсь попадаются кружки, выведенные и черниломъ.

⁶⁾ Листы сильно урѣзаны позднѣйшимъ переплетчикомъ и проколы почти всюду обрѣзаны; однако, см. напр. стр. 115 (новой размѣтки).

⁷⁾ ук. соч. *Жорданія*, стр. 1—2.

⁸⁾ Въ ук. готовящейся работѣ.

⁹⁾ Приведены въ переводѣ въ трудѣ *Н. Кондскова и Д. Бакрадзе*, *Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи*. С.-П.-Б. 1890, стр. 168.

¹⁰⁾ *Прот. Корн. С. Кекелидзе*, *Іерусалимскій Канонарь VII вѣка*. Тифлисъ, 1912, стр. 297.

¹¹⁾ ук. соч. *Кекелидзе*, *Литургич. груз. памятники*, часть I, отдѣлъ I, № II, стр. 32. О родствѣ обоихъ Евхологіевъ см. тамъ же стр. 46.

точную (стр. 360). Последняя съ геометрическимъ узоромъ, а двѣ первыхъ типа и мастерства хотя и сходныхъ съ заставками №№ 1 и 96, но имѣющихъ и свои типическія черты, изъ которыхъ главной является наличность еще и мотивовъ животнаго орнамента (птицы). Характеръ завитковъ такъ-же весьма типиченъ—линія орнаментальнаго усика дѣлаетъ не одинъ спиралевидный, а нѣсколько закрученныхъ оборотовъ, кончаясь въ маломъ среднемъ полѣ крохотнымъ листикомъ или цвѣткомъ. Аналогичные узоры съ различными вариантами такого мотива не рѣдки на памятникахъ грузинской металлопластики¹²⁾. Должно отмѣтить, что размѣтка тетрадей рукописи № 143 аналогична № 1.

Сопоставленіе этихъ памятниковъ, сдѣланное лишь въ видѣ маленькой замѣтки, позволяетъ намѣтить лишь одинъ, но весьма знаменательный очеркъ книгоиздательской дѣятельности нѣкоторыхъ изъ грузинъ—„грекофиловъ“. Въ дѣлѣ же фиксации одного изъ очаговъ—установленіи мѣста трудовъ грузинъ писцовъ и каллиграфовъ, работавшихъ въ Константинополѣ, приписка рукописи № 96 оказываетъ неоцѣнимую услугу.

Дмитрій Гордѣевъ.

Тифлисъ, февраль, 1919 г.

¹²⁾ Напр. (см. ук. соч. *Кондакова-Бакрадзе*): койма Анчійскаго или Анчисхатскаго Спаса (рис. 79), оббивка Хахульскаго складня (рис. 6—9) и др.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Бакинскій Цехъ Поэтовъ

За послѣднее время литературная жизнь въ Баку нѣсколько оживилась.

Появились даже журналы, претендующіе на художественность. Какъ всегда, конечно, при зарожденіи литературной жизни, главнымъ образомъ, наблюдается накопленіе поэтическихъ силъ. Стихи пишутъ въ Баку по крайнѣй мѣрѣ двадцать молодыхъ людей. Какъ это у нихъ выходитъ, дѣло другое. Фактъ только тотъ, что эти молодые люди не только пишутъ стихи, но и печатаютъ ихъ. Недавно уѣхавшая отъ насъ въ Баку талантливая и культурная поэтесса Т. Вечорка занялась благородной цѣлью сдѣлать изъ этой безграмотной и зеленой молодежи поэтовъ. Для этого 23 февраля было созвано организаціонное собраніе, которое ввиду его малочисленности рѣшили повторить 2 марта, въ помѣщеніи русскаго національнаго совѣта. Удивляетъ въ этомъ дѣлѣ только одно. Какъ такая взрослая поэтесса, какъ Т. Вечорка, такъ неразумно повела все это дѣло, что ей пришлось смѣшаться съ этой молодежью, выбравшей изъ своей среды какого то никому неизвѣстнаго въ поэтическомъ отношеніи В. П. Бастричева въ предсѣдатели организаціи цеха? Вѣдь отъ этого неизбежно должно пострадать серьезное и полезное начинаніе подобной организаціи.

Что-же касается злорадной приписки редакціи газеты „Азербейджанъ“

къ отчету о первомъ организаціонномъ цеха, помѣщенномъ въ этомъ органѣ, намъ хочется сказать только одно. Торговый городъ Баку настолько далекъ отъ всякаго истиннаго искусства, что въ немъ нѣтъ „дѣйствительныхъ мѣстныхъ поэтовъ“, отсутствіе которыхъ на организаціонномъ собраніи съ удовольствіемъ отмѣчаетъ „Азербейджанъ“, тѣмъ-же „новичкамъ—репортерамъ“, какъ презрительно говоритъ редакція вышеназванной газеты, Баку долженъ быть благодаренъ за то, что, кажется, впервые за все время существованія этого города, они пытаются поднять въ немъ хоть нѣсколько жизнь искусства. Эту затѣю, даже если бы она была вполнѣ безнадежна, слѣдуетъ привѣтствовать каждому культурному человѣку, а тѣмъ болѣе теперь, когда она имѣетъ опредѣленный залогъ вернуться въ культурное дѣло: въ цехъ принимаетъ участіе настоящая, прошедшая серьезную школу поэтесса Т. Вечорка и молодой поэтъ А. Меликъ-Шахъ, который нѣкоторыми строфами своихъ еще незрѣлыхъ стиховъ уже обращаетъ на себя вниманіе, заставляя предугадывать въ немъ наличіе несомнѣннаго поэтического чутія и слуха:

И надъ мечами силы ратной
—Прообразомъ паучьей лапы,—
Благославляющій трикратно
Перстъ католическаго папы.

кй Н. Судейнъ.

Академія искусствъ

Поэтическая и литературная жизнь „Фантастическаго кабачка“ временно прекратившаяся, вновь возрождается въ Литературномъ кружкѣ при Редакціи журнала „Фениксъ“, который на дняхъ откроется рядомъ закрытыхъ докладовъ, вечеровъ и литературныхъ собесѣдованій. Въ организаціи этого кружка ближайшее участіе принимаютъ поэты Юрій Дегенъ, Борисъ Корнѣевъ, Сергѣй Рафаловичъ, Н. Семейко и И. Терентьевъ.

Помимо этого кружка, имѣющаго характеръ интимнаго художественнаго клуба, по инициативѣ Юрія Дегена организуются и въ скоромъ времени начнутъ свою дѣятельность „Академія искусствъ“. Съ этой цѣлью въ настоящее время ведутся переговоры на счетъ помѣщенія, которое смогло бы вмѣстить достаточно большую аудиторию любителей. Задачей Академіи является кабинетная работа членовъ Академіи въ области теоріи, исторіи культуры поэтическаго языка, стиха, художественной прозы и живописи, а такъ-же рядъ цикловыхъ и случайныхъ публичныхъ лекцій и практическихъ занятій, о которыхъ Академіей будетъ въ свое время особо объявлено.

Художественно-артистическій кружокъ М. Г. Минкевичъ.

Прошлый 1918 годъ былъ годомъ всевозможныхъ худож. начинаній и исканій. Испытали преобразования и перемѣны въ своей судьбѣ и Казенный театръ и театръ Артист. О-ва, тихо скончался „Павлиній хвостъ“, возникла „Ладья Аргонавтовъ“, организовались худ.-арт. кружки кн. Бектабековой и М. Г. Минкевичъ, и др.

Художественный пульсъ Тифлиса бился лихорадочно и нервно въ тактъ современной жизни; многимъ начинаніямъ не суждено было завершиться, иные не были долговѣчны, но 1919 г. въ наслѣдіе отъ своего предшественника получилъ много цѣннаго въ худ. отношеніи, оправленное въ совершенно опредѣленные, конкретныя формы и, несомнѣнно, представляющее собою крупный художественный интересъ.

Объ одномъ изъ такихъ оформившихся начинаній мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ.

Это—худ.-арт. кружокъ М. Г. Минкевичъ.

Инициаторомъ и организаторомъ этого кружка является М. Г. Минкевичъ; художеств. частью завѣдываетъ П. П. Бежамбекъ.

Кружокъ устраивалъ и устраиваетъ семейные художественные вечера въ залахъ Артистическаго О-ва и Тифлискаго Кружка—въ первомъ по средамъ, а во второмъ по субботамъ.

Участники вечеровъ—молодежь выступающая подъ руководствомъ и при участіи гг. Гранели, Тизенгаузенъ, Шульманъ, Прозоровскаго и др.. Кружкомъ ставятся небольшія пьесы, миниатюры съ пѣніемъ и танцами, исполняются инсценированные романсы, характерные танцы, отрывки изъ опереттъ, имитации и пр.. Особеннымъ успѣхомъ послѣднее время пользовался цыганскій хоръ, изъ состава котораго необходимо отмѣтить г. Орлову, обладательницу незауряднаго голоса, характерно цыганскаго оттѣнка.

Исполненіе программъ внимательное и художественное, подборъ номеровъ интересный и, большей частью, оригинальный.

А. П.

Новыя книги.

Александръ Блокъ. Двѣнадцать. Изд-во „Куранты“. Тифлисъ, 1919 г. Цѣна 3 руб.

Александръ Чичиковъ. Инта. Персидская поэма. Изд-во „Иранъ“. Тифлисъ 1919 г. Цѣна 2 руб.

А. Замтари. Облака Стихи. Тифлисъ 1919 г. Цѣна 5 р.

Издательская дѣятельность въ Тифлисъ не только не прекращается, но, наоборотъ, даже усиливается, несмотря на огромныя техническія затрудненія, которыя неизбежно встрѣчаетъ на своемъ пути каждый издатель.

Оставляю въ сторонѣ журналы, которые вышли въ свѣтъ въ этомъ году, а такъ-же не стану касаться всѣхъ тѣхъ новыхъ книгъ, которыя въ скоромъ времени появятся на книжномъ рынкѣ—и о томъ и о другомъ скажу какъ нибудь въ другой разъ. Сейчас перейду къ книжкамъ стиховъ, которыя появились въ этомъ году.

Съ удовольствіемъ отмѣчаю превосходное изданіе поэмы Александра Блока, выпущенное не такъ давно книгоиздательствомъ „Куранты“. О самой поэмѣ я не стану говорить; послѣ всего того, что о ней уже было сказано, критику надо или сказать слишкомъ много, что не позволяетъ ограниченное мѣсто библиографической замѣтки, или же вовсе ничего не говорить.

Въ той-же мѣрѣ, какъ насъ обрадовало появленіе поэмы Блока, опечалила насъ персидская поэма Александра Чичикова „Инта“. Послѣдняя слишкомъ не проработана поэтомъ для того, чтобы безъ ущерба для него могла появиться въ свѣтъ. Несдѣланныя, находящіеся еще въ состояніи зарожденія и потому почти не выразительныя мѣста въ „Интѣ“, которыя, къ сожалѣнію, преобладаютъ, совершенно не искупаются удачными мастерскими ударами и пріятной звуковой инструментовкой, возвращающей насъ въ иныхъ отрывкахъ къ тому Александру Чичикову, появленіе котораго въ литературномъ мірѣ привѣтствовали мы отъ чистаго сердца.

Еще болѣе неудачны, чѣмъ сама поэма, ея изданіе, напоминающее скорѣе скороспѣлую политическую брошюрку, нежели книжку стиховъ.

Значительно лучше изданы стихи А. Замтари „Облака“. Эта первая книга стиховъ молодой поэтессы, на которой, несмотря на всю ея неумѣлость, все-же хочется немного остановиться, такъ какъ наше глубокое убѣжденіе, что серьезная работа можетъ сдѣлать изъ А. Замтари хорошую и культурную поэтессу. Для этого у нея имѣется и значительный запасъ словъ и несомнѣнное чувство ритма, которыми, пока она почти не умѣетъ пользоваться.

Юрій Дегень.

Редакторъ Борисъ Корнѣевъ.

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Стихи—Т. Вечорка, С. Рафаловичъ, Б. Корнѣевъ, Н. Семейко	3
Юрій Дегенъ—Послѣднее приключеніе Жака Рувиля .	5
Кирилль Зданевичъ—А. Крученыхъ, какъ художникъ	12
Сергѣй Рафаловичъ—Молодая поэзія.	15
Дмитрій Гордѣевъ—Выходной листъ Евхологія „грекофильской“ редакціи писца Василія Малушис-дзе .	21

Художественная лѣтопись

Н. Судейкинъ—Бакинскій цехъ поэтовъ	27
Академія искусства	28
А. П.—Художественно-артистическій кружокъ М. Г. Минкевичъ	28
Новыя книги.	29

Репродукціи въ текстѣ

Н. Гончарова—Портретъ А. Крученыхъ (тушью); А. Крученыхъ. Два портрета (карандашомъ).